

Баженов А.М., Мартынова Т.М.

**ЛЕГИТИМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

Тульский государственный университет

Bajenov A.M., Martynova T.M.

**LEGITIMACY OF POLITICAL POWER INTO THE CONTEMPORARY RUSSIA IN
HISTORICAL ASPECT**

Tula state university

Реферат. Анализируется процесс укоренения в жизни российского общества института легитимации политической власти. Легитимация рассматривается через призму прошлого и настоящего политического режима в России. Раскрывается сложность и противоречивость освоения демократических ценностей российским обществом. Называется связь между выборами и легитимацией политической власти в России. Показывается значимость первых демократических выборов депутатов Государственной Думы и Совета Федерации 12 декабря 1993 года. Напоминается история возникновения политических партий в России.

Abstract. The inculcation of the institute of political authority legitimation into the Russian society is analysed. The legitimation is regarded in the light of the past and present political regime in Russia. The complexity and divergence of the democratic valuable implementation into the Russian society are highlighted. The link between elections and political authority legitimation in Russia is stated. The significance of the first democratic elections of deputies for the State Duma and the Federation Council that occurred in December, 12th, 1993 is revealed. The history of political parties' origination in Russia is recalled.

Ключевые слова: легитимация, политика, политическая власть, политический режим, конституция, выборы, политическая партия, государство, демократические ценности, либерализм, общество.

Key notions: legitimacy, politics, political power, political regime, constitution, election, political party, state, democratic values, liberalism, society.

Сфера политики представляет собой важнейший структурный элемент общественной жизни. Роль этой сферы определяется, прежде всего, тем, что в ней создается основное «организационное» начало общества, направляющее жизнь людей, социальных общностей в то или иное русло. В политической сфере принимаются решения и осуществляются действия, оказывающие подчас решающее влияние на общество в целом и его от-

дельные структуры. От политических решений зависят развитие тех или иных общественных явлений, процессов, их перспективы и возможности. Об отношении в обществе ко многим из них часто судят по характеру политических действий. Если сегодня образование, наука, культура в России пребывают в печальном и плачевном состоянии, то это, прежде всего, следствие соответствующей политической стратегии, не рассматривающей их в качестве приоритетных сфер общества. Хотя на словах и даже в президентских указах все может обстоять наоборот, но о политиках судят не по словам, а по делам.

Однако с политикой как важной сферой общественной жизни связан один чрезвычайно любопытный парадокс. Чем более значимой представляется эта сфера с точки зрения социальной, тем менее привлекательной она оказывается для подавляющего большинства членов общества. Интересными в этом плане являются размышления А.И. Солженицына относительно места политики в жизни человека: «Политическая жизнь — совсем не главный вид жизни человека, политика — совсем не желанное занятие для большинства. Чем размашистей идет в стране политическая жизнь — тем более утрачивается душевная. Политика не должна поглощать духовные силы и творческий досуг народа. Кроме прав человек нуждается отстоять и душу, освободить ее для жизни ума и чувств» [3, с. 7].

Нынешняя трансформация политической сферы России осуществляется достаточно противоречиво. Поскольку спектр институциональных характеристик демократических политических систем весьма широк, обычно формулируются семь критериев, представляющих собой общий знаменатель демократических режимов:

- наличие выборных представителей, контролирующих правительство;
- свободные выборы;
- всеобщее активное избирательное право;
- всеобщее пассивное избирательное право;
- свобода мнений;
- свобода информации;
- свобода коалиций и общественных организаций.

Как отмечает немецкий политолог Э. Шнайдер, в транзитологических теориях используются еще три понятия, выработанные в ходе исследований процесса перехода от военных диктатур к демократическим системам в Южной Америке, — «диктабланда», «демократура» и «делегативная демократия» [8].

Понятием «диктабланда» обозначается гибридная система, включающая в себя как демократические, так и автократические элементы. Этот режим, в котором произошла не-

которая либерализация, но без демократизации. В рамках такой системы людям предоставлены определенные права, но они не стали еще членами гражданского общества.

«Демократура», согласно определению Ф. Шмиттера, есть неустоявшаяся демократия. В противоположность диктатуре в условиях демократуры уже существует демократия, но нет либерализации. Так, при демократуре проводятся выборы, но таким образом, чтобы гарантировать победу правящей партии (например, путем исключения из участия в избирательном процессе каких-то социально-политических групп или лишения их возможности осуществлять управление в случае электоральной победы).

О «делегативной демократии» (термин Г. О’Доннела) можно говорить в ситуации, когда право на принятие правительственных решений делегируется избирателями не законодательному органу, а президенту. Делегативная демократия покоится на представлении о том, что победа на президентских выборах наделяет главу исполнительной власти прерогативой делать все, что он считает нужным, «будучи ограниченным лишь неопровержимостью существующих отношений власти и конституционно определенным сроком полномочий» [9, с. 55—56].

Все эти понятия в той или иной степени нашли отражение в политической жизни России. Но функциональной характеристикой всякого политического режима является легитимность власти. Легитимность утверждает политику и власть, объясняет и оправдывает политические решения, создание политических структур, их изменение, обновление и т.д. Она призвана обеспечивать повиновение, согласие, политическое участие без принуждения, а если все это не получается, — оправдание такого принуждения, использование силы и всех других средств, которыми располагает власть.

Легитимность политики обязательна и распространяется на все ее аспекты и факторы — власть, ее цели, средства, методы, формы и действия, решения, документы и прочее. Разумеется, не все без исключения конкретные политические акты сопровождаются легитимирующей аргументацией, особенно такие, как законы, приказы, инструкции, распоряжения и т.д. Их легитимность достигается общим контекстом объяснения политики, которую осуществляет соответствующая власть, пропагандой ее верности и привлекательности. Пренебрегать легитимностью может до известных, весьма ограниченных пределов лишь чрезмерно уверенная в себе, обычно деспотическая, тираническая власть авторитарного или тоталитарного типа либо власть обреченная, временная и слабая.

В этой связи нельзя не сослаться на практику советской власти. При всей своей уверенности в непогрешимости действий она всегда пыталась облачить себя в тогу закон-

ности. Правда, все это сопровождалось солидной дозой демагогии. Но сущность преступлений власти от этого нисколько не менялась.

Теперь, когда после краха коммунизма прошло более двадцати лет и упомянутые выше тенденции развития политических режимов устоялись, можно прийти к некоторым согласованным выводам. Видимо, надо признать, что теории, предсказывавшие быстрый переход посткоммунистического мира к демократии в результате кропотливой работы элит над конституциями, оказались просто неверными. Направление научной мысли, которое делало упор на институциональное наследие и географическую среду в качестве факторов, определяющих пределы возможных трансформаций режимов, подтвердило свою состоятельность [5, с. 106]. Те аналитики, которые подчеркивали важность создания на посткоммунистическом пространстве эффективных политических институтов как предпосылки надежного обеспечения прав собственности и исправно функционирующих финансово-экономических систем, оказались правы.

Власть, функционирующая в демократическом режиме, уделяет легитимности своих действий самое пристальное внимание, которое определяется не ее доброй волей, а насущной политической и социальной необходимостью править с согласия народа. Современная процедура легитимности представляет собой обращение (апелляцию) к какой-либо идеальной или предметной области. То есть к абсолютным и высшим ценностям (справедливости, разумности, истинности и т.п.); всеобщим законам истории; чувствам и эмоциям; настроениям и представлениям общества или какой-либо его влиятельной части; к действительной или вымышленной воле народа; к практической полезности политики — общественной, экономической, экологической.

В истории политики использовался и используется сейчас двойной ряд апелляций, наряду с обращением к идеальным и практическим, утилитарным аргументам: к рациональным и иррациональным доводам. Все это дало основание М. Веберу предложить классификацию легитимности на три вида: 1) традиционный, т.е. основанный на неписанных законах традиций, обычаев, культуры, догосударственных политических отношениях; 2) харизматический, эмоционально-волевой и 3) рациональный, основанный на принятых в государстве порядках и законах, разумных суждениях. С этой классификацией М. Вебер связывает и типологию власти: государственной при ее рациональном обосновании и личной, когда она основана на традиционных и харизматических легитимирующих началах. Типология М. Вебера приобрела большую популярность, однако в ней нет указаний на содержание легитимирующих апелляций [1, с. 644—706].

К первому типу относится политическая аргументация: доводы об опасности или безопасности той или иной политики, ее целесообразности, необходимости, неизбежности, спасительности и т.п. Сильным аргументом такого рода служит, например, знаменитое разделение участников политических отношений на друзей и врагов, введенное в 20-х годах XX века К. Шмиттом [7, с. 37—67]. К подобному аргументу широко прибегали тоталитарные режимы для доказательства необходимости и благотворности принуждения, насилия, репрессий. Близка к политической аргументации апелляция к истории (историческим задачам страны, например, служить оплотом мира и демократии), воле народа, велению времени, императивам эпохи и т.д.; обращение к национальным традициям и идеалам. К этой группе аргументов примыкает и апелляция к экономической, технической, научной, созидательной практике: требованиям производства, решению экономических проблем, запросам научно-технического прогресса, культуры, а также апелляция к знанию, науке, т.е. обладанию истиной, хотя претензии на знание, особенно на истину приносят в легитимирующий процесс иррациональную аргументацию. Здесь на грани рационального и иррационального, знания и невежества, разума и предрассудков естественным и доказательным становится любое, внешне логически не противоречивое доказательство типа «закон требует», «государство ждет от нас» и т.д. С такого рода утверждениями старшие поколения россиян знакомы не понаслышке, они их воспринимали как правила жизни.

Легитимацию особого типа образует правовая аргументация. Ее рациональность не очевидна. Апелляция к закону, т.е. легальности власти или политики, их законность (указание на то, что власть образована согласно конституции) сама по себе может не быть легитимной в глазах общества или его части. Как и в других типах легитимации, в правовой легитимации также существует заметный иррациональный момент. Закон может легализовать власть лица, которое общество не принимает, но вынужденно повиноваться; правительственный акт может узаконить политические санкции, правовые или экономические меры, которые страна не одобряет, но вынуждена терпеть и т.д. Таким образом, легитимация, как и легализация, может быть при определенных условиях формальной или неистинной. Во всяком случае, общество может разделиться в отношении легитимности какого-либо политического влияния, какой бы рациональной ни была ее аргументация.

Будучи инструментом власти, легитимность также служит и средством ее контроля со стороны электората и политической организации общества. Целостная, интегральная легитимность государства, политики, всех ее направлений — основа общественного единства, залог успешного функционирования политического режима страны.

По мнению некоторых аналитиков, в России за время реформ произошли две революции. Сначала поменялся сам уклад жизни, и мы незаметно очутились в совершенно другой стране — с другими проблемами и возможностями, опасностями и перспективами, с другими правилами и инструментами выживания. Но для многих все это еще долго оставалось чем-то случайным и временным, ошибочным или просто преступным. Страна изменялась в эмоциональном надрыве, под стенания о гибели, развале и близкой катастрофе. Новая реальность отвергалась ее противниками, но психологически не была вполне легитимной даже для ее сторонников. Но, в конце концов, с мифом о грядущей катастрофе рухнул и миф о скорой, неотвратимой смене режима и победе оппозиции.

За прошедшие два с лишним десятилетия процесс укоренения института легитимации политической власти происходил достаточно противоречиво. За этот отрезок времени наше общество пережило бурные и судьбоносные события, связанные с реформами. Условно их можно разделить на четыре периода. Мы остановимся на характеристике начального периода развития современной России.

В первый период (1991—1993 годы) маятник политических настроений российских граждан качнулся в сторону демократических институтов и принципов. Этот небольшой отрезок времени насыщен необычайно важными событиями для страны. Общество только стало приобщаться к демократическим ценностям. Утверждение института демократических выборов — важнейший аспект становления демократического политического режима и легитимации власти. Выборы 12 декабря 1993 года — поворотный пункт на пути России к демократии. Парламентские выборы 1993 года стали первыми после окончательной ликвидации советских властных институтов. Введенное в действие 1 октября 1993 года указом президента № 1557 «Положение о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 году» устанавливало, что нижняя палата будет комплектоваться на основе смешанной системы. Половина депутатов (225) будет избираться в заново очерченных избирательных округах в соответствии с мажоритарной системой, другая половина (225 депутатов) — по пропорциональной системе с порогом в 5 %. В верхней палате — Совете Федерации — места распределялись в соответствии с системой «пост получает первый». Знаменательно, что закон не предусматривал перебаллотировки в случае близости результатов или повторного голосования в одномандатных округах.

Правда, первым свободным выборам предшествовал драматический период, насыщенный многими событиями. Это перестройка, ГКЧП, распад СССР, роспуск Верховного Совета РСФСР, октябрьский (1993 г.) мятеж, разработка разных вариантов конституции. Много было допущено ошибок, просчетов со стороны демократических сил и лично Б.

Ельцина, о чем он рассказывает в своей второй книге «Записки президента» [2]. В настоящее время прошедшие, но близкие еще нашим соотечественникам вехи российской истории оцениваются разными аналитиками. Высказываются самые полярные суждения. Одно из них принадлежит известному политологу Л. Шевцовой: «В любом случае поведение Ельцина позволяло сделать вывод, что политическая реформа, создание новых институтов и подкрепление их легитимности новыми выборами отнюдь не являлись его приоритетами» [6, с. 43].

Из 35 собиравших подписи избирательных объединений лишь 21 удалось предъявить 100 тысяч подписей — число, необходимое для того, чтобы быть допущенным к выборам. Восемь из них, включая 3 националистических избирательных блока: Российский общенародный союз, возглавляемый С. Бабуриным, Конституционно-демократическая партия — Партия народной свободы во главе с М. Астафьевым и Национально-республиканская партия Н. Лысенко, не были допущены к выборам. Такая ситуация сложилась в пользу ЛДПР В. Жириновского.

Поскольку в президентском указе о порядке проведения выборов содержалось весьма много неясностей, Центральной избирательной комиссии, возглавляемой Н. Рябовым, пришлось принять несколько собственных постановлений. Одним из наиболее спорных вопросов было предписание о том, что при выборах по одномандатным округам с имени кандидата должно быть снято указание о его партийной принадлежности. Это предписание вызвало тогда протест со стороны «Выбора России», посчитавшего, что отсутствие пометки о партийной принадлежности дает неоправданные преимущества представителям местных элит, чьи имена хорошо известны. Когда выборы прошли, выяснилось, что это правило оказалось для «Выбора России» благодеянием, так как избиратели не могли идентифицировать неизвестных им по именам кандидатов от ЛДПР. Поэтому партия В. Жириновского, получившая по партийным спискам наивысший процент голосов, смогла завоевать лишь 5 из 225 мест по одномандатным округам.

Конечно, для рационально мыслящих людей относительная победа ЛДПР (22,9 %) была шоком. Хотя надо признать, что кампания этой партии, ее лидера была наиболее эффективной. ЛДПР имела больше эфирного времени, чем другие партии и блоки, за исключением «Выбора России». В. Жириновский говорил короткими предложениями и использовал простой язык. Его лозунги были понятны. Он обращался к темам, которые касались многих избирателей: жилье для военнослужащих, финансовая поддержка матерям, увеличение числа защитников порядка в охваченных преступностью городах. Он резко критиковал членов правительства как чистых теоретиков, которые мало знают свой народ и еще

меньше заботятся о нем. Жириновский обвинял кавказцев, евреев, соседние страны и Запад в бедах России. Одним словом, лидер ЛДПР обещал каждому все, что он хочет. Лучшей иллюстрацией к его заявлениям стали книги «Последний бросок на юг» и «Последний вагон на север». Тем не менее, нельзя забывать и о том, что на первых выборах президента России он набрал 6 миллионов голосов избирателей. Конечно, это можно объяснить и тем, что за него, мол, голосовали в основном маргиналы.

Не имея средств для проведения тогда мощной рекламной кампании по телевидению, КПРФ и АПР положились на свои организационные связи и опыт мобилизации базы сторонников. Аграрии возложили свои надежды на руководителей колхозов и совхозов, по-прежнему имеющих значительный вес в деревне, и созданные еще в советскую эпоху агропромышленные профсоюзы. Они-то и стали основной базой поддержки партии. В результате АПР набрала 8 % голосов. КПРФ же получила 12,4 % голосов. Правда, каждая из них смогла сформировать солидную фракцию в Государственной Думе не только за счет депутатов, прошедших по партийным спискам, но и победивших в одномандатных округах. В результате АПР стала иметь 55 мест, а КПРФ — 45 мандатов.

АПР и КПРФ добились наибольшего успеха в нечерноземных регионах, т.е. в самом сердце России, между Москвой и Волгой. Оплотом аграриев стали Оренбургская (18 %), Тверская (13 %), Ульяновская (14 %) области, Башкортостан (25 %), Дагестан (18 %), Алтайский край (23 %). КПРФ имела наилучшие показатели в Пензенской (13 %), Орловской (26 %), Саратовской (15 %), Самарской (16 %), Ростовской (16,4 %), Ульяновской (17,5 %) областях, а также в Дагестане (54 %).

В выборах 12 декабря 1993 г. участвовал целый ряд центристских партий, которые, за небольшим исключением, потерпели поражение, не набрав 5 % голосов. Так, «Гражданский союз во имя стабильности, справедливости и прогресса» получил только 1,9 %, а за «Будущее России — Новые имена» отдали свои голоса лишь 1,2 % избирателей. Только Демократическая партия России во главе с Н. Травкиным, относящаяся к центристским блокам, собрала 5,52 % голосов. В дополнение к этим объединениям можно добавить еще три организации — Конструктивно-экологическое движение России (КЕДР), «Женщины России» и «Достоинство и милосердие» — блок, претендовавший на защиту интересов бедных и инвалидов. КЕДР и «Достоинство и милосердие» получили менее 1 % голосов по партийным спискам и не провели ни одного кандидата по одномандатным округам, тогда как за «Женщин России» неожиданно проголосовало 8,1 % избирателей, что принесло этому блоку 20 мест в Думе. При голосовании думская фракция «Женщин России», как правило, солидаризировалась с ДПР, фракцией «Новая региональная политика», ПРЕС, а

также блоком аграриев и коммунистов, что позволяет отнести ее к левоцентристскому крылу парламента. Это и не удивительно, так как многие представительницы этого блока в недавнем прошлом были партийными, комсомольскими и советскими номенклатурными работниками (А. Федулова, Е. Лахова, Ж. Лозинская и др.).

Несмотря на поражение при голосовании по партийным спискам, независимые центристы завоевали больше мест по одномандатным округам, чем какой-либо блок или партия. Всего независимые кандидаты, среди которых преобладали представители местных элит, — директора предприятий, бывшие руководители городских советов либо аппарат КПСС, одержали победу в 127 из 225 одномандатных округов. При формировании думских фракций более половины прошедших в нижнюю палату парламента независимых (67 депутатов) объединились во фракцию «Новая региональная политика».

На прошедших 12 декабря 1993 г. парламентских выборах скромные результаты получили реформаторские партии и в первую очередь подававший большие надежды пропрезидентский «Выбор России». Это особенно рельефно выглядело на фоне побед жириновцев, аграриев и коммунистов. По партийным спискам «Выбор России», как известно, получил всего 15,5 % голосов. Аналитики в этой связи называют две причины такого итога. Во-первых, президент Б. Ельцин отказался поддержать «Выбор России» во время избирательной кампании. Во-вторых, был налицо раскол реформаторских сил на 4 самостоятельных электоральных блока: «Выбор России» во главе с Егором Гайдаром, блок «ЯБЛОКО» с Григорием Явлинским, ПРЕС с Сергеем Шахраем и Российское движение демократических реформ (РДДР) под руководством Анатолия Собчака. В позициях этих блоков не было серьезных программных расхождений, а только личностные противоречия. Г. Явлинский утверждал, что он был вынужден сформировать собственную партию в связи с серьезными разногласиями с Е. Гайдаром по вопросам об инфляции, рыночной конкуренции и внешнеэкономических отношениях. Чтобы подчеркнуть свой статус «стороннего наблюдателя», Г. Явлинский заявил также, что он не может вступить в союз с правительственными партиями, поскольку те замешаны в «октябрьских событиях» (1993 г.). Однако, по мнению некоторых наблюдателей, такая позиция лидера «ЯБЛОКА» продиктована желанием участвовать в президентских выборах.

Кстати, проблема взаимоотношений двух демократических организаций оставалась актуальной и в последующие годы. В этой связи уместно привести классификацию политических партий, данную И. Хакамадой: «ЯБЛОКО» — правозащитная, мы (Союз правых сил) — буржуазная, «Единство», «Отечество» — партии бюрократии, а коммунисты —

это левая партия» [4, с. 11]. Видимо, в этой плоскости проходила линия размежевания между тогдашним «Выбором России» и «ЯБЛОКОМ».

С. Шахрай также рассматривал декабрьские (1993 г.) выборы как шаг к реализации его претензий на президентство. Он заявлял, что организация ПРЕС будет более умеренной и ориентированной на регионы, чем «Выбор России». РДДР же, в конечном счете, практически не отличалось от «Выбора России».

Деление реформаторов на несколько соперничающих между собой группировок имело ряд негативных последствий. При выборах по партийным спискам голоса демократически настроенных избирателей раскололись, создав ощущение более сокрушительного поражения демократов, чем это было на самом деле. К тому же в самом «Выборе России» не было единства. Как известно, формально блок объединял 7 различных политических движений и организаций, на деле же он состоял из двух образований — «Выбора России» и «Демократической России», имевших между собой большой круг противоречий, особенно в регионах. Избирательная кампания «Выбора России», надо признать, велась вяло, выступления по телевидению его лидеров, в том числе Е. Гайдара, носили отвлеченный характер. Основные идеи своих программных документов они так и не смогли донести до простых граждан.

Правда, разбитый в регионах, «Выбор России» добился хороших результатов в Москве (34,7 %), Санкт-Петербурге (27 %), Екатеринбурге (25,2 %), Перми (27 %), Челябинске (25,2 %). Он не встретил поддержки в нечерноземных районах Центральной России, в Сибири и на Дальнем Востоке. Неплохо сложились дела у «Выбора России» при голосовании по одномандатным округам, где связанные с этой организацией кандидаты завоевали 35 мест. Общее же количество депутатов от этой организации составило 75.

При всех оговорках, можно однозначно утверждать, что в первый период проявилась поддержка со стороны избирателей тех политиков, которые ориентировались на либерально-демократические ценности. Точнее, приоритет отдавался тем соискателям государственной должности, которые выдвинулись на волне нововведений. Это сейчас мы понимаем, что некоторые из них часто в корыстных интересах пользовались демократическими атрибутами.

Итак, процесс утверждения института легитимации политической власти в современной России происходит с большими трудностями и противоречиями. Состояние политической жизни нашего общества в настоящее время подтверждает это умозаключение.

Рецензенты:

Брагина Т.А., к.и.н., доцент, заместитель директора НОУ ВПО «Международный юридический институт» (Тульский филиал);

Спириденков Е.Б., к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных и общих естественнонаучных дисциплин Тульского филиала РАНХ и ГС при Президенте РФ.

Список литературы

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1990.
2. Ельцин Б.Н. Записки президента. М.: Огонек, 1994.
3. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? Посильные соображения // Литературная газета. 1990. 18 сент.
4. Хакамада И. За все ответят либералы // Новое время. 2001. № 28.
5. См.: Хэнсон С. Эволюция постсоветских режимов // Pro et Contra. 2011. № 5 (53).
6. Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина / Моск. Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 1999.
7. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1.
8. Шнайдер Э. Политическая система Российской Федерации. М.: ИНИОН РАН, 2002.
9. Шнайдер Э. Политическая трансформация в России // Полития. 1999—2000. № 4.